

- ² См.: Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. / отв. ред. В. А. Келдыш. М., 2001. Кн. 1. С. 442.
- ³ Цит. по: Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. М., 1990–1996. Т. 6. С. 697–698.
- ⁴ Скафтымов А. Собр. соч. : в 3 т. Самара, 2008. Т. 3. С. 450.
- ⁵ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1988. Письма : в 12 т. Т. 6. С. 85, 100.
- ⁶ Леонид Николаевич Андреев : Библиография / сост. В. Н. Чуваков / ИМЛИ РАН. М., 1998. Вып. 2. Литература (1900–1919). С. 419.
- ⁷ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М., 1974–1988. Соч. : в 18 т. Т. 13. М., 1986. С. 63.
- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 479.
- ¹⁰ Скафтымов А. Указ. соч. С. 333.
- ¹¹ Шестов Л. Творчество из ничего // А. П. Чехов : pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX–нач. XX в. / сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. СПб., 2002. С. 587.
- ¹² Скафтымов А. Указ. соч. С. 457.
- ¹³ Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn005.htm> (дата обращения: 14.02.2014).
- ¹⁴ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. Т. 13. С. 84.
- ¹⁵ Там же. С. 102.
- ¹⁶ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 480–481.
- ¹⁷ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. Т. 13. С. 108.
- ¹⁸ Там же. С. 101.
- ¹⁹ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 478–479.
- ²⁰ Там же. С. 526–527.
- ²¹ Скафтымов А. Указ. соч. С. 471.
- ²² Андреев Л. S.O.S. : Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М. ; СПб., 1994. С. 102.
- ²³ Бердяев Н. О назначении человека. М., 1993. С. 97.
- ²⁴ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 499.
- ²⁵ См.: Печёнкина А. Три театра Леонида Андреева : онтология автора и её отражение в модификациях драматического конфликта : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- ²⁶ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 484.
- ²⁷ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. Т. 13. С. 83.
- ²⁸ Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952.
- ²⁹ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. Т. 13. С. 85.
- ³⁰ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 483–485.
- ³¹ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. Т. 13. С. 84.
- ³² Шестов Л. Указ. соч. С. 596.
- ³³ Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. Т. 4. С. 530.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Шестов Л. Указ. соч. С. 592.
- ³⁶ Стивак Р. Чехов и экзистенциализм // Философия Чехова : материалы Межд. научн. конф. (Иркутск, 27 июня – 2 июля 2006 г.) / под ред. А. С. Собенникова. Иркутск, 2008. С. 206.
- ³⁷ См. об этом: Есаулов И. Русская классика : новое понимание. СПб., 2012.

УДК 821.161.1.09-4+929[Глинский+Пыпин]

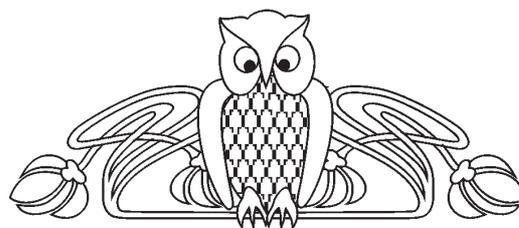
БОРИС БОРИСОВИЧ ГЛИНСКИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ ПЫПИНЕ

М. А. Силашина

Саратовский государственный университет
E-mail: 90masha@mail.ru

Жизни и творчеству А. Н. Пыпина посвящено большое количество исследований, при этом биографическому аспекту уделяется недостаточное внимание. К числу таких материалов относится очерк Б. Б. Глинского, не вызывавший к себе до сих пор какого-либо интереса. Обращение к забытой публикации в журнале «Исторический вестник» позволяет не только по-новому осмыслить некоторые факты и эпизоды пыпинской деятельности, но и выявить особенности творческой манеры автора, а также обозначить характерные жанровые приметы критико-биографической статьи.

Ключевые слова: литературная критика, культурно-историческая школа, биографический очерк, А. Н. Пыпин, Д. Л. Мордочев, Б. Б. Глинский.

Boris Borisovich Glinsky about Alexandr Nikolayevich Pypin

M. A. Silashina

A lot of research addresses A. N. Pypin's life and oeuvre but the aspect of his biography is not given sufficient attention to. The sketch by B. B. Glinsky is one of such papers that has not yet excited any interest. Addressing the forgotten publication in the journal *Istorichesky Vestnik* (History Journal) allows not only to reconsider some facts and episodes of Pypin's activity from a new perspective, but also to identify the peculiarities of his creative style, and highlight intrinsic genre criteria of a critical and biographical article.

Key words: literary criticism, cultural and historic school, biography sketch, A. N. Pypin, D. L. Mordovtsev, B. B. Glinisky.

Разнообразная и плодотворная литературная деятельность Бориса Борисовича Глинского (1860–1917) относительно недавно стала привлекать исследовательское внимание¹. Среди наиболее значимых страниц в его обширном творческом наследии отчетливо выделяются многочисленные публикации мемуарно-биографического характера, большинство из которых появилось в журнале «Исторический вестник» с 1887 по 1917 г. Некоторая часть этих выступлений была представлена в вышедшей в 1914 г. книге «Среди литераторов и ученых». Предваряя свои «биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи» специальным обращением к читателям, Глинский отмечал: «Галерея представленных здесь деятелей должна сказать о том, в каких условиях, бытовых и общественных, протекала жизнь и работа этих людей, с которыми мы, работники на журнальной ниве конца прошлого века и начала нынешнего, встречались, были близки или работали об руку, какие жизненные, литературные цели они преследовали и что отражали в своих произведениях. Большинство из них оставили на разных поприщах значительный след в истории русской жизни, но далеко не все они были в свое время по достоинству оценены, а у многих и совсем исчезла память в современном поколении. Пройдут годы, и, быть может, даже самые имена их станут звучать чем-то чуждым, вне всякой связи с современными им общественными веяниями, отражение которых усматривается довольно наглядно и в их жизнеописаниях, и в оценке их деятельности»². Глинский затрагивает здесь проблему второстепенных деятелей в литературе и культуре. Примечательно, что, по сути, та же тема постоянно находилась в центре внимания А. Н. Пыпина, который «одним из первых настаивает на включении в предмет научного исследования писателей второго и третьего ряда»³.

На страницах «Исторического вестника» печатались, как правило, значительные, по сути, подготовительные материалы к биографиям. Автором подобных публикаций всегда оставался и Б. Б. Глинский. Деятели, о которых он рассказывал, разумеется, наделены различными общественно-политическими взглядами и придерживались разных мировоззрений. В выборе персоналий своих очерков Глинский руководствовался не только собственными пристрастиями и предпочтениями, но нередко вынужден был ориентироваться на редакционные заказы и задания. Именно к числу таких выступлений можно отнести его популяризаторскую работу об А. Н. Пыпине⁴.

Целый ряд биографических материалов об А. Н. Пыпине появился в печати в связи с пятидесятилетним юбилеем его творческой деятельности. Примечательно, что Глинский обратил читательское внимание на время начала литера-

турного труда своего героя: «Когда в 1903 году праздновался пятидесятилетний юбилей научной деятельности Александра Николаевича, то Д. Л. Мордовцев на юбилейном обеде протестовал против приурочения юбилея к этому году и, основываясь на письме своего друга о тире в работе Лерхе, заявил, что празднование запоздало на два года. Юбилей и присутствовавшие смеялись этому шутивому протесту, но официально все-таки началом выступления Александра Николаевича на учено-литературном поприще признали считать 1853 год, когда в «Отечественных записках» была напечатана его статья о драматурге XVIII века Лукине. Но если не прав г. Мордовцев, то и 1853 год строго нельзя назвать первым юбилейным годом в деятельности нашего ученого. Еще в предшествовавшем году (1852) он заявил себя двумя работами, из коих одна осталась в архивах Петербургского университета, а другая была напечатана в «Сборнике Академии наук» (№ 3)»⁵.

Отмечая роль Пыпина в литературно-общественном процессе, автор «материалов к биографии и характеристик» подчеркивал: «Литературная и общественная деятельность Александра Николаевича получила свое развитие при общем оживлении русской жизни во второй половине пятидесятих годов, и прервалась она тоже при окружающем общем оживлении и напряженном ожидании лучшего будущего. И если этому будущему суждено осуществиться (а в это нельзя не верить!), то, озираясь на всех, кто так или иначе потрудились для этого будущего, не забудем же с особенной признательностью вспомнить и о том, кто, непрестанно живописуя в своих ученых трудах исторические судьбы русского народа, тем самым прокладывал пути к его счастью и гражданскому и духовному благополучию. А. Н. Пыпин много потрудились в этом направлении; немало был приносим в жертву мраку и застою, мужественно вынося удары судьбы. Так пусть же за все это на общем празднике русского народа ему будет современниками провозглашена громкая «слава» и историческая «вечная память»»⁶. По мнению Глинского, «в руках такого деятеля наука не может обратиться в раскапывание никому не нужных мелочей, а должна быть ободряющим импульсом в стремлении к общественному прогрессу»⁷. Автор «Исторического вестника» высоко оценил и пыпинские труды по истории и теории словесности, называя их «энциклопедией русской жизни», сочетающей в себе и познавательный интерес, и воспитательный характер. Особую заслугу ученого он видел в описании и изучении судеб южных и западных славян, на что редко тогда обращалось внимание.

Специальное внимание Б. Б. Глинский уделяет ключевым моментам на пути становления личности ученого. Подобный способ подачи материала применялся преимущественно во всех его биографических очерках. В них ощутимо и осознанно явлена такая своеобразная система

нравственных координат, благодаря которой читатель погружался в сложный духовный мир незаурядной творческой личности, в формировании которой могут принимать непосредственное участие семья, близкие друзья, гимназические учителя, университетские преподаватели. Не случайно большая часть очерка посвящена описанию университетской среды и атмосферы, повлиявшей на молодого А. Н. Пыпина. Сам Глинский тоже был выпускником Петербургского университета, о котором неоднократно с благодарностью вспоминал в своих выступлениях. В данном очерке встречаются воспоминания о таких известных профессорах, как И. И. Срезневский, Н. М. Благовещенский, М. М. Стасюлевич. В приводимых цитатах из писем Пыпина можно найти, например, любопытные свидетельства о ситуации, типичной для той эпохи: «...у нас в университете уничтожены педагогические лекции Куторги, Никитенко и других профессоров (не наших, впрочем). Никитенко действительно прекратил свои лекции, а Куторга объявил, что хотя официально его лекции и уничтожены, но он будет заниматься с нами (я у него бываю на педагогических лекциях) по-прежнему, если нам это приятно будет. Мы, конечно, с удовольствием приняли его предложение, и лекции продолжаются. Лекции эти довольно интересны: мы (нас всего девять человек) бывали у Куторги по четвергам вечером и проводили у него час или полтора времени: сначала толкуем о разных интересных предметах (Куторга умеет рассказывать – и потому лекции его не бывают скучны, кроме того, он много видел, потому что несколько раз был за границей и знаком со многими учеными), потом начинается чтение подготовленного сочинения <...>»⁸ Здесь отчетливо просматривается основополагающий принцип сотрудничества преподавателей и студентов, построенный на уважительно-доверительных отношениях, в сфере которых и может развиваться свободная личность. Обладая обширными знаниями А. Н. Пыпин станет создателем культурно-исторической школы в русском литературоведении, которую Б. Б. Глинский назвал новым методом исследования. Главной целью исследователя, работающего в рамках этой школы, автор очерка считал отражение роста и развития народного сознания. При этом литературный процесс рассматривался в соответствии с принятыми в обществе умственными и нравственными ориентирами. Во многом на формирование воззрений Пыпина повлияла его поездка в Италию и Англию, где произошло знакомство с Герценом. После этого ученый подвергался различным гонениям: исключение из числа профессоров Петербургского университета, сложные отношения с Академией наук (отказ в должности адъюнкта по креслу истории в 1871 г., а затем конфликт из-за присуждения внеочередного звания доктора русской словесности по протекции Казанского университета в 1891 г.),

закрытие журнала «Современник», редактором которого он был в 1865–1866 гг.

Б. Б. Глинский так объяснял смысл своего подробного экскурса в прошлое: «Извиняюсь перед читателем, что несколько долго задержал их на обозрении тогдашнего университетского преподавания и на характере его главнейших представлений. Я придаю большое значение после элемента наследственности и домашнего воспитания влиянию школы, средней и – высшей, в деле формирования характеров и направления умов выдающихся деятелей, биографиями которых приходится заниматься в своих журнальных работах. Мы уже видели на ранних годах юности Александра Николаевича заметные следы влияния на него окружающих ближайших к нему лиц – отца и матери, дяди и двоюродного брата, а также влияние товарищей и всей окружающей его волжской обстановки в причудливых красках ее природных очертаний. Гимназия и первый год пребывания в Казанском университете, по-видимому, не сыграли в его жизни какой-нибудь решающей роли, по крайней мере, для такого утверждения сейчас под рукою нет фактических данных. Иначе рисуется роль в его жизни Петербургского университета и таких профессоров, как Куторга и Срезневский...»⁹

В этом можно убедиться, читая отрывки из писем А. Н. Пыпина к его близкому другу Д. Л. Мордовцеву, который, будучи сотрудником «Исторического вестника», передал их Б. Б. Глинскому. Не сохранились ответы адресата, но зато автор имел возможность зафиксировать и воспроизвести личные воспоминания коллеги по журналу, которыми тот охотно делился: «Когда редакция “Исторического вестника” поручила мне составить для текущей книжки очерк о покойном академике, то я и обратился к Д. Л. Мордовцеву за необходимыми мне сведениями о ранних годах Александра Николаевича. Кое-что наш романист воскресил в своей старческой памяти, а кое-что он разрешил мне почерпнуть из своего богатого архива писем. Там я нашел несколько пожелтевших листков, писанных мелким бисерным почерком и принадлежавших перу юного студента Петербургского университета Пыпина. Это были его письма к своему дорогому Данечке (Мордовцеву) из Петербурга в Казань, где чрезвычайно живо рисуется характер, склонности ума и жизненная обстановка будущего знаменитого ученого... Мне думается, что отрывки из этих писем послужат в руках будущих биографов А. Н. Пыпина новым материалом для его жизнеописания и характеристики»¹⁰. Например, в одном из писем Пыпин в очередной раз пытался убедить товарища переехать в Петербург и поступить в университет: «...Не говоря уже обо всем прочем, какие сокровища представятся твоему наблюдательному и пылливому уму! Конечно, ты будешь ужасно поглощать Публичную библиотеку, Румянцевский музей и проч. Все рукописи, начиная от древнейшего Нестора, пройдут через твои руки;

Срезневский непременно завербует тебя в свои партизаны (да ты им будешь и по своей воле); ты будешь иметь случай видеть двигателей нашей науки и литературы, хотя не всех, но очень многих, тебя займут вопросы гуманные, социальные, литературные, ученые; ты сам, может быть, выступишь в некотором роде на поприще ученом или литературной деятельности, как человек талантов; сам будешь действовать, а это-то ведь и нужнее всего: нужно сделать что-нибудь самому...»¹¹

Д. Л. Мордовцев и А. Н. Пыпин дружили все гимназические годы, вместе поступили в Казанский университет. Под влиянием перебравшегося в Петербург Пыпина через некоторое время туда же переехал и его друг. В письмах к «Данечке Мордовцеву» особенно отчетливо звучит пыпинский голос, ему как бы предоставляется право самому рассказать о себе. Подобные включения в биографические очерки обширных цитат из неопубликованных личных эпистолярных источников, из обнародованных дневников и воспоминаний современников являются характерной приметой творческого приема Глинского.

Специального внимания заслуживают подробные библиографические указатели трудов тех, о ком писал Глинский, которые воспринимаются как одна из важнейших составляющих частей биографического материала. Таким образом, как бы подводился итог творческой деятельности. В очерке об А. Н. Пыпине автору не пришлось самому заниматься этой работой, поскольку Я. Л. Барсов составил «Список трудов академика А. Н. Пыпина 1853–1903 годов», и Глинскому достаточно было сослаться на доступную читателям публикацию.

Значительная часть очерка Б. Б. Глинского посвящена семейным отношениям и связям ученого. Вслед за хрестоматийными фактами его биографии автор «материалов» указал истоки известных демократических взглядов Пыпина. Как известно, и А. Н. Пыпин, и Н. Г. Чернышевский уже с детства испытывали друг к другу дружеские чувства и особую душевную близость. Атмосфера дома Г. И. Чернышевского, по мнению Б. Б. Глинского, являлась идеальной для рождения двух свободомыслящих личностей, сыгравших не последнюю роль в социокультурном процессе становления России второй половины XIX в. Одно из достоинств системы воспитания Г. И. Чернышевского – отсутствие подавляющего, угнетающего начала, он не принимал для себя наказание в виде порки, которая тогда активно применялась в гимназии. Он всегда оставался для двоюродных братьев не только старшим другом, но и непререкаемым нравственным ориентиром. В располагающей доброжелательной домашней атмосфере, в постоянном продуктивном диалоге с народной культурой закладывались основы художественного мировидения А. Н. Пыпина.

Заметное влияние на него оказывал и Н. Г. Чернышевский, который был настоящим примером для подражания. Все пыпинские письма этого периода

переполнены именем Чернышевского. Всему происходящему Пыпин дает «чернышевские» оценки. Кажется, что будущий ученый настолько подражает своему брату, что принимает его точку зрения как некий абсолют: «Я и занимаюсь теперь не постоянно, а как-то порывами, когда придет охота. Теперь я более всего занимаюсь славянскими наречиями и английским языком. Мы с Николаем быстро продвигаемся на этом поприще; даже учимся с ним немного говорить. Мы хотели даже составить себе английскую библиотеку, и уже положили ей основание, купив “Nouveau cours de langue Anglaise”, par M. Bobertson. Я думаю, ты знаешь, что Methode Bobertson теперь в большой моде и, кажется, совершенно справедливо. С одним только не можем мы справиться в английском с произношением. Это только препятствие мешает нам говорить, потому что если Николая скажет слово, то можешь быть уверен, что я его не понял. Николая, впрочем, далеко ушел от меня в английском языке, потому что он и до этого читал английские газеты»¹². По словам Б. Б. Глинского, можно по праву говорить о целой эстетической школе, в рамках которой происходило дальнейшее становление личности будущего ученого. Именно Чернышевский вводил Пыпина в различные литературные круги, познакомил и с редакцией «Современника», способствовал развитию незаурядного дарования ученого и литературного критика. Поэтому настоящим ударом для студента Петербургского университета стало возвращение Чернышевского в Саратов. С этого момента начался новый этап в жизни А. Н. Пыпина, хотя связь со старшим братом никогда не прерывалась.

Поздние годы жизни ученого прошли спокойно, в тиши кабинета и редакционных помещений, поэтому автор очерка лишь констатирует: «Из фактов общественной его жизни надлежит еще отметить, что уже с 1861 года он принимал близкое и непосредственное участие в делах литературного фонда, где, между прочим, в течение 12 лет был членом правления»¹³.

Имя А. Н. Пыпина было реабилитировано в глазах общественности только в конце XIX в., когда его противники прекратили по разным причинам свою общественную деятельность. Именно в этот период он был избран в члены Академии наук, а Казанский университет провозгласил его своим почетным членом.

А. Н. Пыпин – многогранная, крупная, яркая и интересная личность, и Б. Б. Глинский в своей публикации весьма удачно попытался не только отразить важные биографические факты, но и предложить внятные объяснения того или иного житейского поступка. Принцип, благодаря которому объект сам диктует систему построения материала, вполне оказался реализованным в материалах для биографии и характеристиках творческой деятельности выдающегося представителя отечественной культуры, появившихся на страницах «Исторического вестника».

Примечания

- ¹ Подробнее о нем см.: *Измайлов А. Б. Б. Глинский // Исторический вестн.* 1912. № 2. С. 648–657; *Рогинский А. Глинский Борис Борисович // Русский писатели 1800–1917 : Биографический словарь.* Т. 1. А-Г. М., 1989. С. 582–583; *Иванова Г. Жизнь и общественно-политическая деятельность Б. Б. Глинского : автореф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 2009; *Книгин И. О Борисе Борисовиче Глинском // Саратовские епархиальные ведомости.* 1993. № 2. С. 16; *Миронова М. Петербург Бориса Борисовича Глинского // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых.* Вып. 15. Кн. 1. Саратов, 2012. С. 251–261; *Силашина М. Б. Б. Глинский и Н. П. Барсуков // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых.* Вып. 16. Кн. 1. Саратов, 2013. С. 216–222; *Миронова М. Борис Борисович Глинский и Алексей Михайлович Жемчужников // Творчество Б. К. Зайцева и мировая культура : сб. ст. (материалы междунар. конф., посвященной 130-летию со дня рождения писателя).* Орел, 2011. С. 173–178; *Силашина М.*
- Забывтый биограф В. Г. Белинского // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 71–76.
- ² *Глинский Б.* Среди ученых и литераторов. Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. С. 31 портретом. СПб., 1914. С. III.
- ³ Академические школы в русском литературоведении / под ред. П. А. Николаева. М., 1975. С. 5.
- ⁴ См.: *Глинский Б.* Александр Николаевич Пыпин (материалы для биографии и характеристики) // Исторический вестн. 1905. № 1. С. 263–307.
- ⁵ Там же. С. 285–286.
- ⁶ Там же. С. 307.
- ⁷ Там же. С. 263.
- ⁸ Там же. С. 284.
- ⁹ Там же. С. 277.
- ¹⁰ Там же. С. 264.
- ¹¹ Там же. С. 289.
- ¹² Там же. С. 281.
- ¹³ Там же. С. 301.

УДК 821.161.1.09-1+Тарловский

О МАРКЕ ТАРЛОВСКОМ И ЕГО СТИХОТВОРЕНИИ «ЛИРИКА ДОЧЕРИ ГОРОДНИЧЕГО»

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

В статье говорится о литературной судьбе М. А. Тарловского и его месте в отечественной поэзии, а также рассматриваются особенности поэтического переосмысления им персонажей комедии «Ревизор».

Ключевые слова: Тарловский, Гоголь, Хлестаков, дочь городничего, сорока, осмысление, стихотворение.

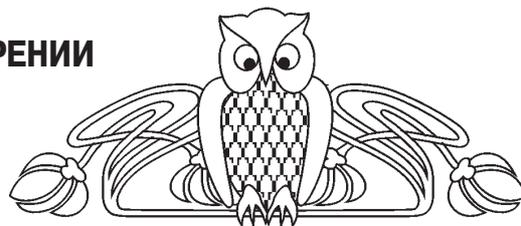
On Mark Tarlovsky and His Poem «Poetry by the City-provost's Daughter»

I. A. Knigin

The article discusses the literary fate of M. A. Tarlovsky, his place in the Russian poetry, as well as some peculiarities of his perception of the characters of the comedy «Auditor».

Key words: Tarlovsky, Gogol, Khlestakov, citi-provost's daughter, magic, perception, poem.

Своеобразным и порой весьма неожиданным явлением в отечественной словесности стало поэтическое переосмысление личности и творчества Н. В. Гоголя. Можно было бы составить объемистый том из стихотворных панегириков, дифирамбов, некрологических и юбилейных откликов, эпиграмм, пародий, а также переложений, истолкований и разъяснений, созданных на протяжении многих десятилетий «хорошими и разными» русскими поэтами. Среди них достой-

нейшее место занимает стихотворение М. А. Тарловского. Это имя с заметным опозданием только начинает возвращаться в читательское сознание, чтобы занять там подобающую нишу. «Один из самых блистательных виртуозов русского стиха в XX веке, подлинный виртуоз рифмы, артист, стилизатор...»¹, – так аттестовал Тарловского авторитетный знаток и исследователь отечественной поэзии Е. В. Витковский. На его своеобразный статус в русской поэзии в числе первых обратил внимание В. Г. Перельмутер: «Особенностью поэтического дара Тарловского была уникальная *переимчивость*, способность усваивать, то есть делать *своими*, характерные черты и элементы “чужих” творческих манер, стилей, поэтик. Любого времени и направления от Тредиаковского до Гумилева»².

Не будет преувеличением сказать, что литературная судьба Марка Ариевича-Вольфовича Тарловского (1902–1952) сложилась несчастливо. По словам Е. А. Евтушенко, включившего пять стихотворений Тарловского в свою антологию «Строфы века», поэт, «так ярко дебютировавший книжкой “Иронический сад” в 1928 году, принадлежит, увы, к тем, кого эпоха все-таки сломала»³. В советскую эпоху его имя первенствовало среди переводчиков многонациональной поэзии страны, активно тиражированной Гослитиздатом. Он стал